

В. Ф. Петренко¹

МИРООЩУЩЕНИЕ ВСЕДИНСТВА И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Под культурой мы понимаем всю совокупность семиотических средств общения и сознания (национальные языки, языки жестов, живопись, архитектуру, музыку, языки математики и программирования, невербальные символы и дизайн, ритуалы, вербальные и невербальные коды и пр.), а также созданные с их помощью тексты, материальные и виртуальные объекты. Доминирующим семиотическим средством культуры выступает язык, точнее множество национальных языков.

При этом ведущая роль языка проявляется как в общении между людьми, так и в функционировании индивидуального и общественного сознания. Широко известно высказывание Мартина Хайдеггера: «Язык — дом бытия» и высказывание Людвиг Витгенштейна: «Границы моего языка означают границы моего мира». В наших совместных с В. В. Кучеренко исследованиях показано, что блокирование с помощью гипноза тех или иных значений ведет к выпадению из сознания фрагментов мира, связанных с заблокированными значениями.

Например, при гипнотическом блокировании значения слова «курить» испытуемый не видит не только сигарет и пепельницы, полной окурков, но и спичек (как предмета, связанного с прикуриванием) и даже зажигалки. Но может и видеть эту зажигалку. Вертит ее в руках и говорит: «Какой-то цилиндрок, возможно из-под валидола». Если запрещенный объект достаточно громоздкий, то испытуемый обходит «невидимый объект», а не пытается пройти сквозь него. То есть, опуская доказательные детали исследования, можно утверждать, что испытуемый видит «запрещенный» объект и рефлексивно действует исходя из этого, но не осознает его. Так можно развести процессы видения аспектов, фрагментов мира и осознания их. Из связи языка и сознания вытекает так называемая гипотеза лингвистической относительности Сепира и Уорфа, гласящая, что разные языки определяют разное видение мира. А если следовать конструктивистской методологии, согласно которой в познании мы не отражаем «объективную действительность», а строим различные модели бытия, то носители различных языков пребывают в несколько различных мирах, а национальные культуры выступают, согласно Борхесу, как «сад расходящихся тропок», обеспечивая генетическое многообразие единого Человечества. В этом плане можно сказать, что существуют не только диалог культур и взаимообмен достижениями культуры и техники, но и конкуренция культур, борьба за распространение своего национального язы-

ка и мировоззрения. Так разные культуры конструируют разные миры бытия, с различными «моделями потребного будущего» (термин Н. А. Берштейна), разной системой ценностей и различающимися утопиями.

Даже логика разных культур может частично не совпадать. Сошлюсь на работы А. В. Смирнова [14] об арабской логике, Г. Д. Тинлея [18] о буддийской логике и приведу пример суждения из буддизма, отрицающего логику «исключенного третьего», где «отрицание великой истины есть тоже великая истина». Кстати, и само понятие истины имеет религиозные корни и является, как пишет А. П. Назаретян, «мифологическим понятием» (тем не менее принятым на вооружение как в марксистской философии, так и в позитивизме). Представление о том, что познание «объективной действительности», независимой от позиции наблюдателя («того, что есть на самом деле»), приводит к обнаружению истины, соответствует «ленинской теории отражения» или ее западному аналогу — «копирующей теории истины».

Философия постнеклассической рациональности [15; 16] и методология конструктивизма [2; 9; 10] исходят из того, что наше познание не имеет возможности непосредственно отображать «вещь в себе» и тем самым «открывать истину», а создает конкурирующие модели бытия, характеризующиеся различной предсказательной, эвристической силой, уровнем обобщения и полноты и даже красотой и этикой. Роль наблюдателя в создании модели отмечали и Нильс Бор и Вернер Гейзенберг, а современные квантовые физики Роджер Пенроуз и Михаил Менский даже говорят о присутствии сознания в редукции волновой функции. Так или иначе, никто не будет спорить о том, что национальные культуры несут в себе имплицитную этику, фиксированную обычно в религиях, и содержат различные идеологемы, в чем-то совпадающие, а в чем-то различные, поэтому можно говорить как о диалоге и взаимовлиянии, так и о конкуренции различных культур, где ядром культуры выступает широко понимаемый национальный язык, включающий как вербальные, так и невербальные компоненты.

Сохранность нации, ее идентичность обеспечиваются прежде всего национальной культурой и языком. В этом плане в современной России акцент делается в первую очередь на утверждение государственности и в гораздо меньшей степени на сохранение и развитие культуры и языка. Гуманитарная наука рассматривается как нечто второстепенное и малосущественное. Об этом свидетельствуют непрекращающиеся попытки сократить гуманитарные исследовательские институты. Например, мне по Интернету пришли просьбы подписать петиции в защиту Института искусствоведения, Центра Рериха. В подвешенном состоянии находятся Институт философии РАН, Психологический институт РАО, у которых собираются отобрать занимаемые здания. Государство не финансирует создание новых гуманитарных центров науки, а наши олигархи, создавшие свои капиталы на присвоении общенародной

¹ Заведующий лабораторией психологии общения и психосемантики МГУ им. М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор. Главный редактор журнала «Методология и история психологии». Автор более 350 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Основы психосемантики», «Многомерное сознание: психосемантическая парадигма» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Общественные науки и современность», «Консультативная психология и психотерапия». Лауреат премии им. С. Л. Рубинштейна Президиума РАН.

собственности, предпочитают финансировать футбольные клубы.

Тем не менее, как показывают события на Украине, использование русского языка и культуры может стать определяющим политическим фактором. Правительства приходят и уходят (или их «уходят»), а принадлежность к тому или иному языку и культуре остается и задает вектор цивилизационного развития. Во Франции был введен закон об охране французского языка, согласно которому конференции и иные научные мероприятия на территории страны должны проводиться на французском языке. Такая языковая политика требует, конечно, больших затрат на переводы литературы и оплату синхронных переводчиков для иностранцев, но стимулирует развитие научного национального языка. В нашем национальном парламенте — Думе дальше ЛДПРовских предложений что-то ограничить и запретить, не вложив в развитие и распространение языка ни рубля, дело не идет.

Доходит до абсурда: в стремлении поднять уровень публикаций до мирового в отчетности гуманитарных институтов и вновь формируемых научных фондов вводят обязательное требование высоких показателей цитирования по зарубежным индексам “*web of science*” и “*scopus*” (при наличии российского РИНЦ), тем самым отдавая оценку качества отечественной гуманитарной науки зарубежным экспертам, редакторам и издателям. Недавно я по скайпу спорил с иностранным коллегой на предмет существования национальной науки. «Не бывает русской или американской физики», — утверждал он, и с этим можно согласиться, хотя и с оговорками о влиянии национальных методологических школ на большую науку. Но применительно к гуманитарному знанию, на мой взгляд, можно говорить о «культурно-лингвистической относительности», ибо в гуманитарном знании (философии, психологии, социологии, истории, филологии и праве) всегда присутствует аксиологический компонент, присущий данной культуре.

По моему мнению, гуманитарная культура не может не быть национальной (общечеловеческий компонент культуры, задающий Всеединство, будет рассмотрен ниже). Через усвоение языков идет приобщение к иноязычной культуре. Во времена, когда я сам был студентом МГУ, вместе со мной учились, наверное, четверть курса иностранных студентов, многие из них потом стали полпредами российской культуры в своих странах. Благодаря ректору В. А. Садовничему уже в наши дни созданы и успешно функционируют филиалы МГУ в Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, а благодаря Ю. М. Лужкову еще и в Севастополе, в бывших Лазаревских казармах. Такие научные, культурные и образовательные центры не только формируют дружественную нашей стране интеллигенцию, но и тем самым выступают форпостом русской культуры.

Разработанные методы психосемантики [2; 8; 9] с помощью построения многомерных семантических пространств позволяют проводить анализ менталитета населения стран, с которыми мы вступаем в политический и культурный диалог, реконструировать картину мира этих людей. Для ведения диалога необходимо представлять картину мира индивидуального или кол-

лективного собеседника, знать категориальную структуру его сознания, его когнитивную сложность и содержание бессознательных установок. Остановимся на когнитивной сложности. Этот параметр характеризует мерность сознания, количество категорий (конструктов), в рамках которых происходит осознание той или иной содержательной области. Например, американский психолог Чарльз Осгуд провел исследование восприятия людьми абстрактной живописи. Испытуемые оценивали картины по множеству шкал, а затем полученные матрицы данных подвергались процедуре факторного анализа. И если большинство обывателей использовали только одну оценочную категорию «нравится — не нравится», то по данным профессиональных художников факторный анализ выявил от 5 до 9 факторов, по которым различаются картины.

Сознание гетерогенно, и человек может иметь высокую когнитивную сложность, скажем, в области восприятия футбольных команд и низкую в сфере искусства, высокую в сфере экономики и низкую в политике. При этом в политике низкая когнитивная сложность ведет к неустойчивости убеждений, возможности их кардинальной трансформации. А. П. Назаретян в недавно вышедшей книге «Нелинейное будущее» [5] пишет о своей работе в советское время с иностранными студентами. Многие учащиеся левых взглядов имели весьма восторженные, но стереотипные представления об СССР. Раз в стране нет эксплуатации человека человеком, полагали они (термин «коррупция» тогда был еще не в моде), то и нет причин криминального поведения. При столкновении с несправедливостью и лицемерием некоторые из этих восторженных поклонников социализма подчас меняли установки на противоположные и уезжали с негативными стереотипами по поводу нашей страны. Противоядием от таких трансформаций-перевертышей служит увеличение когнитивной сложности сознания. В специальных исследованиях [8] мы строили семантические пространства политических партий, начиная с 1989 года. Интерес представляла как размерность этого пространства — число независимых факторов, так и содержание категорий-факторов, по которым различались эти партии, а также позиции конкретных партий внутри этого пространства. Напомним, что одномерное деление на левых и правых вошло в политический лексикон со времен французского Конвента, где якобинцы сидели в амфитеатре слева, а жирондисты — справа.

Наше исследование, проведенное в 1990 году на исходе горбачевской перестройки, выявило четырехмерную структуру семантического (идеологического) пространства, а содержание выделенных факторов, где первые два интерпретировались как «отвержение — принятие коммунистической идеологии» и «сохранение СССР — превращение его в конфедерацию или союз независимых государств», показывало возможность его распада. Повторные исследования политического пространства уже Российской Федерации в 1991, 1993 и 1995 годах выявили последовательное нарастание когнитивной сложности общественного сознания россиян. Не берусь судить о ее состоянии в настоящее время, так как больше таких трудоемких исследований

мы не проводили, но думаю, что она уменьшилась. Когнитивная сложность, определяющая многомерность сознания, формируется при полифонии диалога [1], при наличии множественности точек зрения. Поэтому, в частности, реализация идеи единых учебников по истории или литературе будет вести к формированию «одномерной личности», что неадекватно даже с точки зрения политической прагматики, ибо одномерность ведет либо к фанатизму, либо к неустойчивости убеждений.

Как язык, так и сознание имеет уровневое строение. Наряду с понятиями, обеспечивающими наиболее ясное осознание, в языке существуют синкреты, символы, комплексы, псевдопонятия, определяющие тот или иной уровень осознанности. Этот семиотический ряд выстраивается по степени образности–знаковости, от образа, могущего выступать представителем целого класса сходных объектов, до условного знака, план содержания и план выражения которого полностью конвенциональны и условны.

Другой параметр, по которому отличаются представители семиотического ряда, связан с многозначностью–однозначностью плана содержания знаковой формы и выстраивается от многозначного символа, имеющего множество семантических компонентов и соответственно множественную интерпретацию, до математического символа (называющегося так скорее по недоразумению, поскольку это типичный знак), имеющего однозначную интерпретацию. Согласно Зигмунду Фрейду, индивидуальное или личностное бессознательное «разговаривает» с субъектом на языке символов, то есть осознание происходит в «мягком языке», допускающем множественную интерпретацию. Но помимо индивидуального бессознательного Карл Юнг [19] выделяет коллективное бессознательное, использующее универсальные символы, присущие всему человечеству и тем самым обеспечивающие семиотическую интеграцию человечества в единую семиотическую целостность. Юнг прибегает к метафоре, сравнивая коллективное бессознательное с мангровым деревом, где на поверхности мы видим множество отдельных деревьев, а в подземной глубине они все переплетены корнями и являются единым целым.

На языке квантовой механики [4; 7] мы бы сказали о связности (перепутанности), задающей целостность или Всеединство бытия. Эксперименты А. Аспекта [11] доказали, что сугубо локальных событий не существует: все процессы во Вселенной взаимосвязаны.

Здесь мироощущение квантовой физики смыкается с философией Всеединства русского православного экзистенциализма (В. С. Трубецкой, С. Л. Франк, Л. И. Шестов, Н. А. Бердяев) и философией буддизма, в своих медитациях снимающего субъект–объектную оппозицию или, говоря языком буддизма, «снимающего иллюзию двойственности» и растворяющего индивидуальность в мироощущении Единого. За счет интеграции в Едином бессознательное обладает информационной мощностью, на несколько порядков превышающую информационную мощность сознания (в принципе никто не мерил, да и методы оценки информационной мощности отсутствуют).

А. Р. Лурия утверждал, что человек помнит абсолютно все, с чем сталкивался в своей жизни. Проблема в том, как извлечь эту информацию в случае необходимости. Напомню, что детектор лжи был в свое время разработан американцами на основе методики сопряженных моторных реакций Лурия [3]. С помощью разработанного В. В. Кучеренко метода сенсомоторного психосинтеза, близкого к гипнотической технике, можно восстановить в памяти человека, как он был, например, одет в определенный день в трехлетнем возрасте или что ел в этот день на завтрак. В настоящее время эта техника используется его учениками в работе следственного отдела Российской Федерации.

Например, можно актуализовать в памяти свидетеля номер машины, виденный им случайно много месяцев назад. Карл Прибрам [12] разработал голографическую модель памяти, практически неограниченной по объему хранимой в ней информации. Связность нелокальной информации, хранящейся в бессознательном, делают его источником креативности и творчества (В. Н. Пушкин, В. В. Налимов, О. К. Тихомиров). Отсюда вход в бессознательное, присущий практически всем религиозным практикам в форме медитации, молитвы, созерцания, динамической медитации в танцах дервишей, психотехникам в духе холотропного дыхания А. Грофа, пиковым переживаниям (термин А. Маслоу), таким как предельные страдания, любовь, восторг и т. п.

Тематика бессознательного, продолжающая идеи Юнга, представлена в трансперсональной психологии (С. Гроф, А. Минделл, Р. Фрейдджер, М. Мерфи, К. Уилбер, В. В. Козлов, В. В. Майков), исследующей процессы бессознательного в контексте интегрального бытия и единства мировосприятия.

Подводя итог этого краткого обзора, можно выделить ряд положений, требующих развернутых исследований и доказательств.

Культура как открытая самоорганизующаяся система, подобно живому организму, нуждается в притоке инокультурной информации (аналог генетического обмена живых организмов внутри одного вида, в нашем случае человеческого), обеспеченной внешним диалогом.

Культуре как живому организму свойствен инстинкт самосохранения («любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу»). Поэтому наряду с диалогом культур необходимо существует и конкуренция, борьба за сохранение своей национальной культуры, своего языка, а возможно, и экспансии и расширения зоны распространения.

Наряду с диалогом и конкуренцией культур с помощью семиотических средств, из которых ведущая роль принадлежит естественным языкам, существует культурный диалог и конкуренция на уровне коллективного бессознательного, что требует, в свою очередь, его детального изучения.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — М. : Худож. лит., 1972.
2. Келли Дж. Теории личности. Психология личностных конструктов / Дж. Келли. — СПб. : Речь, 2000.

3. *Лурия А. Р.* Язык и сознание / А. Р. Лурия. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979.
4. *Менский М. Б.* Сознание и квантовая механика / М. Б. Менский. — Фрязино : Век-2, 2011.
5. *Назаретян А. П.* Нелинейное будущее / А. П. Назаретян. — М. : МБА, 2013.
6. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности / В. В. Налимов. — М. : Академ. проект, 2011.
7. *Пенроуз Р.* Тени разума: в поисках науки о сознании / Р. Пенроуз. — М. : Ин-т компьютерных исследований, 2005.
8. *Петренко В. Ф.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета) / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. — М., 1997.
9. *Петренко В. Ф.* Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. — М. : Эксмо, 2010.
10. *Петренко В. Ф.* Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. — М. : Эксмо, 2013.
11. *Петренко В. Ф.* Человек в предметном и ментальном мире. Существует ли объективная действительность? Неоконченный спор Бора с Эйнштейном / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун // Известия Иркутского ун-та. Сер. Психология. — 2013. — № 2. — С. 62–82.
12. *Прибрам К.* Языки Мозга / К. Прибрам. — М. : Прогресс, 1975.
13. Семиотика и искусствометрия / под ред. Ю. Лотмана. М., 1972.
14. *Смирнов А. В.* Логика смысла: Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. В. Смирнов. — М. : Языки славянской культуры, 2001.
15. *Степин В. С.* Теоретическое знание / В. С. Степин. — М., 2000.
16. *Степин В. С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность / В. С. Степин // Вопросы философии. — 2003. — № 8. — С. 5–17.
17. *Соловьев В. С.* Сочинения : в 2 т. / В. С. Соловьев. — М. : Мысль, 1988.
18. *Тинлей Г. Д.* Буддийская логика / Г. Д. Тинлей. — Улан-Удэ : Дже Цонкапа, 2011.
19. *Юнг К. Г.* Психология бессознательного / К. Г. Юнг. — М. : Канон, 2012.